

Владимир КОСТРОВ
(Москва)

Вас выдохнула русская земля
Всей грудью — звонко,
широко и жарко —
Наплывом от Рязани до
Кремля,
От «Англетера» и до
Магадана.
Граненый поднимая в
стакан
Со спиртом, обжигающим
и синим,
За Вас, Москва набашкой
хулиган
И светлый ангел полевой
России.
Еще крепка лютая цель
измен,
Но звень ее мне кажется
напрасной,
Пока снится кровь из
скрытых вен,
Перелитая в гроздь
рабских красной,
Живем пока. Будем жить
и пить,
Господь не раздает талант
по блату.
Родной тальянки золотую
медь
Не вырубить безродному
бунату.
Нас не жалей. Не надо
хмурить бровь.
Пусть торжествует миг
и неведом:
Вы с нами, наша познания
любви
И, может быть, последняя
надежда.
Сергей Есенин — и нам в
сердце, сюда,
Где завязались нежность и
рыдания.
И вижу я: в день Страшного
Суда
Встаеи Вы как на
опрощенье.

Татьяна СМЕРТИНА
(Московская область)

Россия, Родина, Святыня,
Мой родниковый перекос,
Трава русальи, тышь
и русский дух, и предков
Здесь думы воще о тебе
И шепел росного оврага...
А клин гусей печальный
в небе
Как нож, вонзенный в
небеса!
Ах, эта боль... Зачем нам
сила
Дана ту боль перемотать!
Язык у колокола вырвать,
И не восплать, не
искряться!
Звезда лишь помнит те
туманы,
В них раскупавший бедняк
Рыдал по-детски за туманами.

Сжимая горсть земли в кулак.

Не потому ль березы эти
Текут листвою в траву
дни,
И горно отпевает ветер
Число погибших деревень!

Не потому ли утром синим
Разбился о тропу плечей!
И на есенинском рывке
Не закивает ран берег!

Не потому ли холмы,
полюны —
Волнятся, стоишь в этом
миг,
Что помнят взорванные
храмы
И чуют над горевшими
книги...

Славяне! Русские! Да что же!
От чьих мы погибшем рук
Пусть будет миг мой край,
Пусть миги
и слово русское, и дух!

Не снова посреди России,
Там, в безглагольномбору,
За горло речку

у-да-ви-ли

Как русоюсю сестру...

И снова в полюбленной снине
(Как будто новой жертвы
ждет!)

Кружится ворон над

Россией,
Брат брата на прищел
берет...Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ
(Киев)

По Руси

И страна беззастенчива

Не заманив жалкого

боскож...

С. Есенин.

Заманила! В певучем

ризанском раздолье,
где березы бегут вдольречной полосы,
поклонилась я труднойпозовой доле
и пошел по Руси.

Ногам мне окатили

прохладные травы,
исцелилась душа в полевойтишине,
самый краешек дубаприродного дубравы
обратился ко мне:
— Не клоним под годамиусталую спину,
«Как живешь?» —
утомяю землю спроси

и стулай, башмаки за плечо

перекину,
босиком по Руси.

Соловиной страдой тишина

огласится,
и на утренней зорьке, при
свете росы

До чего же все-таки искусно телевидение,
действующее вынуждено нас в стране и, как
это ни прискорбно, задающее тон в
обществе! Вот прошел по России великий
праздник — столетие одного из самых лю-
бимых ее сыновей. И что же? Некоторые
телеканалы его будто и не заметили.

А торжества в родном селе Есенина 3 ок-
тября — как они освещались? Не от одно-
го человека слышал я в тот день: ах, по-
казали бы все это по телевидению с верто-
лета! В самом деле, картина была бы не-
обыкновенно впечатляющая. Но если уж
на такое средство не хватило, можно было
бы, наверное (при желании!), найти дру-
гие способы передать широчайший размах
этого народного праздника, сравнимого по
масштабу и сердечной искренности, ду-
маю, только с пушкинским, собравшего
людей из разных концов России, да и все-
го мира. Люди заполнили село, всю окру-
гу, все откосы Оки. И то здесь, то там
слышались, перебивались произвольные
есенинские стихи и песни: «Клен ты мой
опавший», «Над окошком месяц», «Вы-
сталася на озере алая заря», «Ты жи-

ва еще, моя старушка», «Не жалей, не
зову, не плачу», «Отговорила роща золотая»...
Нет, перед телекамерой и стихи его чи-
тали вице-премьер правительства, глава
администрации президента, а также другие
официальные лица, вславленные собой ос-
тальными — «простых смертных». В том
числе современных поэтов.

Это вообще на сей раз была, увы, от-
личительная особенность организации почти
всех самых значительных юбилейных ме-
роприятий: Есенина словно приватизиро-
вали чиновники, выступая везде и всюду
на первый план и не давая слова поэтам.
Было так и в столичном Колонном зале, и
при открытии памятника в Москве, и на
вечере в Рязанском драмтеатре...

Но в Константинове не лучше традиция
эта была резко нарушена. Самыми поэта-
ми, которых в конце концов вывозили. И
вот, когда выстроившись на открытой
эстраде хор и тысячи людей вокруг, об-
наеваемые на фоне золотых, треща-
щих березок студенным ветром с Оки, в

ты увидишь, как в поле

звезде колышет

золотая звезда Песникова

Русь.

Юрий КУЗНЕЦОВ
(Москва)

Последний человек

Он возвращался

с собственным подмоком

в туман и снег без шапки

и пальто

И боролся: — Посудую

глум и рынок.

Я проиграл со смертью

поединок

Да, я ничто, но русское

ничто.

Глухие услышали человека,

Слепые увидели человека,

Бредущего без шапки и

пальто.

Немые закричали: — Эй,

какая!

А что такое русское ничто!

— Все продано, — он

боролся с презрением, —

Не только моя шапка

и пальто...

Я ужоу. С моим

исчезновением

Мир рухнет в ад и станет

примендлем

Вот что такое русское

ничто.

Глухие человека не слышали,

Слепые человека не видели,

Немые человека

заколчали.

Зато все остальные

закричали:

— А что ж ты медлишь

русское ничто!

Александр

ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН

(Бостон, США)

— Свободы не было и нет

на свете...

Шути, мой сын, тебе я руку

жму:

Разн их власть! Отцовскому

уму

Забавны и ужасны шутики

эти...

Большие дети не боятся

плети,

И взрослые сажают их в

тюрьму.

Но это не приводит ни к

чему.

Им наплевать, на то они и

дети.

Шути, мой сын! Пусть это

только шум —

Но я люблю твою свежий,

острый ум.

Хотя врагу смешны твои

коленца.

Друзьям же и подавно

наплевать

на то, что невозможно

оправдать

на возвращение взрослого

младенца!

Валентин СОРОКИН
(Москва)

Ты проси нас,

Россия!

Злы людей, как тайн

в болоте, много,

И не меньше в мире черных

яи.

Никогда я не дойду до Бога,

Потому что грешен и упрям.

Потому что мама провозгла

в путь...

Сверкал и веселился дождь...

Голову к плечу мою

прикалывал:

«Ах, какой ты добрый,

пропадешь!»

По стране и по моей округе

Стоит люди и от горя

Все дожди сменялись вдруг

на вьюги,

Ледяные вьюги в сердце

бьют.

Пропадая снова, пропадая,

За спиной клубится вольная

ладь.

Нападаю снова, нападаю,

Некуда нам, русским,

отступать.

Не одним обманутым

уродом,

Вечный страх над бездною

таи...

Ныне и Богу очередь

народом,

Разве я узнаю, где моя?

Пляска дьявола на

пьедестале,

Пугалим израненные дни.

Ты проси нас, Господи,

уставших,

И Россию нашу сохрани...

Василий ЗАХАРЧЕНКО
(Москва)

Зов звезда

Хочу домой... Хочу быть

вместе с теми,

Кто дорог мне, кто близок

мне всегда.

Сквозь даль пространства,

сквозь глухое время

Магнитом тянет вечный зов

гнезда.

Туда, где шустро пролетало

детство,

Где на погостах дедалось

гробы.

Мне никуда не скрывается

и не деться

От вечного влечения судьбы.

Мне ни к чему посулы

«долгие вянты»

Чужих дорог позолоченный

прах.

А мне — Россию... Бедами

попята,

Стоит нагая на семи ветрах.

Измучена, истерзана до боли,

Она застыла, очей опустив:

Нет ни стыда, ни радости,

ни воли.

О, Родина, за все меня

просты!

За нищету при скажном

богатстве,

За ложь у правды юной на

виду.

За то, что потонула

в казнь отстав,

За то, что беда не отведет,

За то, что, позавида родные

песни.

Талдычишь зарубежные

тарарам.

Не все равно — толь лопни

ты, хоть терпи

Я никому России не отдаю!

Хочу домой... Влеком

магнитной силой,

Ползу, бегу, лечу, как

всегда,

На вечный зов моей

отчужденной,

На зов опустошенного

гнезда!

Владимир ТЫЦКИЙ
(Владивосток)

Здесь или здесь — нет

повода гадать —

Земля пыль его подош

касалась.

Озрился в небесах святая

рать

И все же до него не

дожралась.

А сколько всякий, явно и

втай,

Старались, душу медленно

тираня,

Завзав его в какой угодно

рай,

Льшь был бы он подальше

от Рязани...

Давным-давно вошел он в

этот дом.

И, помнится, его хозяйке

пел он,

Что полюбил кого-то в

голубом,

Но не сумел забыть кого-то

в белом.

Рыбьиные горные сады

Вдвигают ночь, прощально

ветки выгну,

Ты сердцем догонишься до

звезд.

Ни тайн ее, ни света не

постигну.

Но повторится миллионы

раз

Ее неповторимое сияние!

Вот он — русоволо,

голубоглаз —

Проходит по Земле, как по

Рязани...

...

Зима-россиянка, белым

летучим обвалом

С есенинским свистом

кружится над землей и паря,

Три дня и три ночи, начав

с Покрова, бушевала

И вдруг, обмирая, с небес

опустилась усталое —

И тихая-тихая встала над

миром заря.

Мы вышли из дому с

какой-то неясной тоскою,

Но скоро забыли печаль и

плечи свои.

Мы шли и молчали, во всем

соглашаясь с судьбой...

Что было, что будет — все

чистым дышало покоем.

От первого снега до нашей

последней любви...

Талдычишь зарубежные

тарарам.

Не все равно — толь лопни

ты, хоть терпи

Я никому России не отдаю!

Хочу домой... Влеком

магнитной силой,

Ползу, бегу, лечу, как

всегда,

На вечный зов моей

отчужденной,

На зов опустошенного

гнезда!

Владимир ТЫЦКИЙ
(Владивосток)

Здесь или здесь — нет

повода гадать —

Земля пыль его подош

касалась.

Озрился в небесах святая

рать

И все же до него не

дожралась.

А сколько всякий, явно и

втай,

Старались, душу медленно

тираня,

Завзав его в какой угодно

рай,

Льшь был бы он подальше

от Рязани...

Давным-давно вошел он в

этот дом.

И, помнится, его хозяйке

пел он,

Что полюбил кого-то в

голубом,

Но не сумел забыть кого-то

в белом.